

Как нельзя кстати для них поднался теперь вопрос о переселении в Мексику или Техас. При удачном разрешении этого вопроса, можно быть уверенным, что мало кто останется из казаков в Югославии, так как перспектива на будущее становится все хуже и хуже. Единственным спасением может явиться переселение в Сев. Америку, где вдали от европейского экономического кризиса и возможных грядущих военных потрясений, изведавшие их вдоволь казаки, могут спокойно заняться знакомым им сельским хозяйством, пока не настанут лучшие времена, когда можно будет вернуться домой, в Родные Края.

СВОЙ.

Handwritten signatures in Cyrillic script, arranged in several columns. A circular stamp is visible in the lower right quadrant of the signature area.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 46 ЗАСЕДАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО КОЛОНИИ В БЕЛГРАДЕ ОТ 16 ФЕВРАЛЯ 1930 ГОДА.

„Выслушав и обсудив письмо и Устав образовавшегося „Калмыцкого Союза в Праге“, Правление Колонии постановило: т.к. цели и задачи т.н. „С.К.К.Р.“ в ЧСР и вновь образовавшегося „Союза Калмыков“ тождественны, Правление Колонии приходит к выводу, что образование Союза является результатом личных расхождений, а не идейных, а потому, выражая наше сожаление, предложить этим двум организациям ни в коем случае не тратить силы и энергии на взаимные препирательства, а придти к союзному единству, к содружественной работе во имя общего блага Калмыцкого народа, хотя бы на автономных началах, о чем довести до сведения Калмыцкой Комиссии и Союза“.

С подлинным верно: Председатель Колонии полк. А. Алексеев.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы считаем, что Постановление Правления Колонии основано на неправильной информации и на незнании тех причин, в силу которых образовался т.н. „Союз Калмыков“. Мы отлично знаем, что существующие взаимоотношения между Кал. Комиссией и т.н. „Союзом Калмыков“ основано не на личных откошениях их руководителей, а на единственном и чрезвычайно важном принципиальном положении.

Калмыцкая Комиссия хотя и является аполитичной, чисто национально-культурной организацией, но она вместе с тем является определенно анти-большевистской. Руководители же т.н. Союза Калмыков, по крайней мере два из них: Б. Кушмынов и М. Даркинов являются определенными большевиками (большевистствующими сменовеховцами), ведущими активную пропаганду за приятие советской власти и возвращение в СССР.

Действуя в этом направлении г. Кушмынов, пользуясь своим положением воспитателя пражской русской гимназии, где учится калмыцкая молодежь, мимоходом и постоянно рисуя перед учащейся молодежью картину „прекрасной“ постановки школьного дела в СССР, легкой, якобы, возможности получить „там“ высшее образование и всячески дискредитируя руководителей Калмыцкой Комиссии, - сделал то злое для калмыков дело, что некоторые ученики неохотно стали учиться, а в результате много гимназистов выжуждены были оставить гимназии, часть которых заботами Комиссии была устроена на спе-

циальные школы, а часть „заботами“ г. Кушлынова уехала в СССР.

Тот же Кушлынов во время своей поездки в Болгарию и Югославию вел усиленную агитацию среди калмыков за возвращение в СССР, производил запись, собирал среди них деньги „на расходы, связанные с возбуждением ходатайства перед советской миссией в Праге“; находясь в Белграде г. Кушлынов вел агитацию даже через свою жену, которая не стеснялась, на правах станишницы, старалась „обделать“ одного почтенного гелана (священника), доказывая ему ненужность и вредность в настоящее время религии, уговаривая отказаться от священнического сана, вернуться в СССР и там... жениться. Конечно, она получила достойный ответ.

Другой член правления „Союза Калмыков“ (И. Даржинов) состоит членом так называемого 3-го Студенческого Союза в ЧСР (сменовеховский) и по мере своих сил ведет активную работу по дискредитированию и разложению Калмыцкой Комиссии.

Выполняя „социальный заказ“ своих большевистских господ, эти лица делают все, что в их силах, чтобы разбить всякое полезное начинание Калмыцкой Комиссии. Так, например, в этом году они вели сильную агитацию среди калмыцкой учащейся молодежи, чтобы она не ходила на празднества „Цаган“, устраиваемое Комиссией. Когда же это им не удалось, когда все учащиеся с педагогическим персоналом гимназии во главе с директором пришли на общее молебствие и традиционный общий чай, то г. Кушлынов с своими товарищами, несмотря на то, что он по своему положению воспитателя должен был присутствовать на этом молебствии, демонстративно отсутствовал.

Когда же Комиссия на присланные всеми калмыцкими колониями за границей деньги устроила для учащейся молодежи „цаганный вечер“, то г. г. „товарищи“ из „Союза калмыков“ в тот же день, в тот же час и в том же Праге устроили „свой“ вечер и сделали все, что от них зависело, для срыва вечера, устраиваемого Комиссией. И эта попытка им не удалась -- никто на их вечер не пошел.

Характерно то, что „товарищи“--калмыки на своем „вечере“ поставили на сцену Бурхан Вакшин гега (Будду). Выводить и показывать на подмостках театра перед гуляющей толпой Вакшин Гега могут только большевики! И наши „товарищи“ это сделали в этом году в Праге! Вероятно, это первый и последний случай, когда калмык „играет“ Будду на сцене!

Вот где единственное и вместе с тем непреодолимое разногласие между Калмыцкой Комиссией и т. н. „Союзом Калмыков“.

Мы знаем, что для руководителей Калмыцкой Комиссии в их национально-культурной работе не существует (по крайней мере не существовало в данном вопросе!) никаких личных мотивов, а есть только национально-культурные интересы и задачи, как они формулированы в Уставе Комиссии, и как они их понимали и понимают. А для „Союза Калмыков“ калмыцкие национальные интересы -- только ширма, удобный флаг, под которыми он проводит специфически сменовеховскую работу.

Между прочим Редакция отлично знает, что Калмыцкая Комиссия никогда никаких препятствий тем нашим братьям, которые, в силу различных причин самостоятельно решили ехать „домой“, не чинила, как это ложно утверждает г. г. Кушлыновы. Наоборот, всем тем калмыкам, которые в силу естественной тоски по Родине или из за желания помочь оставшимся „там“ и страдающим членам своей семьи уезжали „домой“ всегда оказывала материальную помощь в меру своих сил. Не было почти ни одного случая, чтобы Калмыцкая Комиссия не оказывала ту или иную помощь уезжающим из Ч.С.Р. „домой“ нашим братьям. Но, естественно, Комиссия с презрением относится ко всем тем, которые, сами предпочитая оставаться за границей, ведут сменовеховскую активную работу, всячески уговаривая своих братьев ехать в „земной рай“ -- СССР и никогда с подобными типами Комиссия, по нашему мнению, не будет иметь ничего общего.

По нашему мнению, для того, чтобы между Комиссией и „Союзом Калмыков“ не было разногласия, основанного на „личной“ почве, нужна совсем маленькая вещь. Для этого должны сделать:

1/ В. Кушлынов -- а/ открыто заявить в печати, что он не является большевиком, что он отныне совершенно прекратил частое обивание порог советской миссии в Праге и б/ фактически прекратить свою агитационную работу среди калмыков за возвращение в СССР;

2/ И. Даржинов -- а/ также открыто и честно заявить в печати, что он теперь вышел

из 3-го Студенческого коммунистического Союза и

4/ также фактически прекратить свою сменовеховскую работу.

Вот те маленькие, для всякого честного калмыка легко выполнимые условия, которые способны уничтожить существующее разногласие между Комиссией и „Союзом Калмыков“.

Но Редакция убеждена, что ни г. „товарищ“ Кушлынов, ни Дарзинов сделать подобный шаг не посмеет, ибо они уже слишком далеко зашли по пути сближения с большевиками.

ОТВЕТ БОЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ. 1/

В №№ 6 и 7 „Р.К.“ Председ. Донского Правительства, Предс. Казачьего Союза, Предс. правления Банка, Редактор журнала „Р.К.“, кажется, Председ. Казачьего Клуба (извиняемся, если еще какой-нибудь титул упущен) и проч. и проч. - г. Мельников поместил любопытную с паталогической точки зрения статью „О самостоятельности“.

Нет никакого сомнения, что написана эта статья человеком, если не хронически больным, то находившимся в состоянии временного умоисступления, ибо трудно допустить, чтобы нормальный человек на протяжении трех десятков страниц убористой печати мог упражняться во всевозможных ругательствах по адресу ряда лиц и организаций - благо, журнал свой, сам редактор и издатель, сдерживающих факторов нет, а бумага все терпит.

В начале статьи автор обещает вести себя чинно и корректно: „мы - говорит он - не последуем их примеру, не будем касаться личностей“ И, сделав такое заявление, с места в карьер обрушивается на ген. Старикова, г. Балинова, „анонима“ и др. по поводу статей, напечатанных в брошюре „Ответы В.К.“

Ложь, предательство, подлость, гнусность и пр. - вот эпитеты, рассыпанные щедрой рукой автора по всей его статье. Ругательский лексикон вне конкурса - даже „товарищи“-большевики, с Демьяном Бедным во главе, позавидуют. Обидно только (если казаки не потеряли способность обижаться), что это „творчество“ имеет место под флагом „Р.К.“, а не под вывеской папашина кабака в станице Качалинской.

Нужно полагать, что „Ответы В.К.“ жестоко ущемили хвост Мельникову и иже с ним. Иначе чем же объяснить больной по содержанию и доходящий до визга, буйный по тону, бред редактора „Р.К.“, Председ. Правительства, Председ. Банка и проч. и проч. Боже, какой универсальный талант - наш пострел везде поспел!

Откровенно говоря, мы и не предполагали у Донского „диктатора“ такой деликатности нервной системы, ибо этого не замечали в его общественно-политической деятельности на Дону, когда он, например, в ст. Нижно-Чирской, в первые дни революции, став во главе местных „революционеров“ (гл. об. из иногородних), спокойно арестовывал казачью администрацию во главе с окружным Атаманом ген. Лидковым (впоследствии погибшим с сыном в рядах Донских бойцов) и хладнокровно не моргнув глазом, предал последнего на публичное оплевывание и заушение. Черны г. Мельникова отличались завидной выносливостью и тогда, когда в день смерти Каледина, 29 янв. 1918 г., он, занимавший, по его словам, высокие и ответственные посты Председателя Войскового Круга и Заместителя Председателя Донского Правительства, с спокойной совестью бежал, т.е. дезертировал с своего „высокого поста“ из Новочеркасска в Москву и хладнокровно бросил каза-во, продолжавшее борьбу с большевиками. А когда положение на Дону было восстановлено борцами, дезертир Мельников явился снова для занятия „высоких и ответственных постов“. 2/

1/ Наше желание - избежать ненужной и бесполезной полемики, тем более полемики с такой высокой особой, как Донской Атаман; настоящим и следующие, и той относящиеся статьи мы помещаем уступая настоящим казакам, нашим друзьям. В этой „тене“ мы больше не будем возвращаться. Редакция.

2/ Эти утверждения оставляем на ответственности автора.

Редакция.